

Антимаг

Дождь лил четвёртый день. Земля отказывалась впитывать влагу, и жидкость заполняла все полости, встречавшиеся ей на пути – погреба, цоколи, сточные канавы. Финн стоял на крыльце под козырьком своей лавки и равнодушно наблюдал, как над затопленной мостовой проплывают куриные потроха, связки грибов, жестянки и прочий хлам. Ловцы мусора в отсвечивающих жиром балахонах, раскинув свою сеть, брели вдоль улицы. Отвратная работа, но в Сезон Дождя только они и имеют барыш.

Сезон Дождя начался неделей раньше обычного, и в первый же день сосед, смешно подкидывая колени над лужами, заскочил к Финну в лавку спросить, чьих это рук дело. Финн посмотрел на Ючи, тот указал пальцем вверх – воля небес, мол. Сосед разочарованно ускакал обратно. А Финн приготовился скучать. Клиентов в Сезон Дождя не бывает неделями. Ючи от влажности и монотонной капли клонило в сон, и он дремал на своей циновке, безразличный ко времени суток, а Финна - наоборот - терзала бессонница, против которой не помогало ни одно зелье из его закромов. Да и, что греха таить, много ли подлинно магического было в товарах недоучившегося мага – так, сувениры для суеверных и слабых умом: перстни с философским камнем, гомункулы, запечатленные в янтаре, склянки с живой водой и тёртыми змеями, миниатюрные чаши Грааля, позолоченные молоты ведьм, гримуары в обложках из якобы человеческой кожи и тому подобная профанация, которую Финн создавал в лаборатории на чердаке. Если бы не Ючи, лавка «Артефакты Финна» прогорела бы, не продержавшись и полугода.

Трудно сказать, чем Ючи был больше - даром или проклятием. Он, конечно, появился у порога, будто подброшенная к храму корзина с младенцем - однажды мокрым утром Финн обнаружил в застрявшей у его крыльца лодчонке сонно сопевшего желтокожего, низкорослого и безволосого паренька в цветастом халате. Финн долго разглядывал его, пока не появилась шеренга мусорных ловцов, один из которых уже нацелился и на лодку, и на халат, и тогда Финн разбудил парня, загнал лодку во двор, а ловцу дал затрещину, чтоб в другой раз неповадно было. Незнакомец, хоть и казался подростком с виду, при ближайшем рассмотрении оказался мужчиной в возрасте. Непонятно только - в каком. Местным наречием он не владел, и единственное, чего смог добиться от него Финн, это нездешне звучащее имя – Ючи.

Всё, что было у Ючи – лодка, халат, циновка и мешок белого зерна. Пока шёл дождь, Финн лениво размышлял, как приспособить пришельца к холостяцкому хозяйству. Он чувствовал, что ему по душе присутствие такого удобно молчаливого, но живого существа. Ючи в свою очередь тоже не проявлял желания продолжить своё путешествие. Финн и так бы его оставил, тем более, что тот ел только своё белое зерно по горсти в день и сырую рыбу, которую сам же где-то вылавливал, откладывая хозяину лавки ровно половину. Но случилось как-то раз, что день у Финна не задался с самого утра: от порыва ветра дверью хлопнуло так, что всё стекло повылетало; взялся убирать осколки – руку изрезал; полез на полки за свежей тряпичей, чтобы перевязать рану – пошатнулся табурет, Финн не удержался и рухнул, утянув за собой и полки, и всю скопившуюся на них мелочь. Ючи подошёл, помог подняться, тут же крепко схватил за плечи и впился узкими глазками так, словно в душу пролез. Постояли они с минуту-две, потом Финн обмяк, а когда очнулся, от разгрома и следа не осталось, на ладонях – ни царапинки, и всё, за что Финн ни принимался в тот день – делалось без заминки и словно по чьему-то велению. Решив, что приютил мага, Финн принялся учить того своему языку, чтобы хоть немного оценить его возможности и – разумеется – свои перспективы. Через неделю Ючи с горем пополам объяснил Финну, что он может снимать порчу. Ещё через неделю Финн понял, как он это делает. Так Ючи стал даром.

Ючи не был магом. Он был головной болью магов, правда, в основном, тёмных. В родной деревне – Ючи всегда указывал рукой в сторону, откуда восходит солнце – его называли Взломщиком Заклятий, Хакка о-Норо. Свой взломщик имелся в каждом селении – так же, как самурай, лекарь или кузнец, не говоря уже о маге. Маг и взломщик мирно сосуществовали, ибо по закону взломщик мог вскрывать только нелегальные заклиния, ведьминскую порчу, тёмный сглаз и проклятия чужеземных чародеев. Ючи был законопослушным хакка. Деревенский маг Коджи время от времени даже вызывал его для проверки мощи своих заклятий: если Ючи справлялся со взломом за минуту или меньше, Коджи огорченно кряхтел и уходил колдовать над формулой дальше. Беззаботной была жизнь Ючи, как порхание бабочки в солнечных лучах. Пока не нарвался он на подложное заклятие.

Каждый маг на любом своём заклятии – будь то приворот, мелкая порча или пожизненное проклятие – оставляет след, собственное незримое клеймо-монограмму, и

подделать его невозможно, потому что состоит оно из неповторимого цветного узора тончайших душевных эманаций. Только взломщик способен увидеть это клеймо, прочитав его, подобрать отмычку и, взломав магическую сеть, завладеть контролем над заклятием. Клейма же, наложенные белыми магами, ломать запрещёно. Да вот только нашёлся умелец, подменивший клеймо законного мага, и Ючи взломал заговорённого от зверств душегуба. Злодея снова поймали и заговорили, но Ючи стало нестерпимо стыдно, и он бежал из деревни куда глаза глядят.

В стране Финна законы управления магией были другими. Точнее, не было ни законов, ни управления, а только хаотическое перераспределение магической энергии. За исключением некромантов, которых вот уже несколько десятилетий удаётся сдерживать в гетто, запечатанном клеймом королевского мага Кристофа, прочие виды чародеев расплодились с невероятной силой и колдовали кто во что горазд.

Но хаос не мешал Ючи видеть клейма здешних ведьмаков, мелких колдунишек и великих магистров и ломать их магию, хоть белую, хоть чёрную, причём за вполне умеренную плату. Зато и преступников здесь наказывали не магическими оковами, а вполне реальными кандалами, подземельями и решётками, поэтому шансов нарваться на душегуба среди тех, кто приходил к Финну и Ючи с жалобами, было не ахти как много. А этические проблемы Ючи решал просто.

- Убивать? – хищно сощурившись, вопрошал он у каждого заколдованного. Заколдованный испуганно дёргался. В этот краткий миг беспокровности души клиента Финн забрасывал в неё небольшую затыку собственного сочинения – заклятие ненасилия. Затыка была непрофессиональная, но маломальскую гарантию безопасности давала. Ючи удовлетворённо кряхтел, клиент расслаблялся, и начинался взлом.

Вот только главный застарелый заговор самого Финна не мог Ючи снять, как ни тужился. И пыхтел, как горшок с кашей, и глаза выпячивал, и рычал по-звериному. Чуть кости не переломал Финну, когда пытался, как тогда, в первый раз, сжав его плечи, пробуравиться к нему в душу. Видеть чародейскую печать – видел, а взломать – чудное дело – не получалось: линии эманаций словно играли с ним, сплетаясь и расплетаясь заново, меняя свой узор каждый миг, уловить и отомкнуть его не было никакой

возможности. Ючи сильно потел и извинялся, просил рассказать побольше о всеильном маге, который заковал сердце Финна в броню.

- Да нечего рассказывать, - нехотя отзывался Финн. – Простейший любовный отворот. От ворот поворот, - грустно усмехался он. - Не только мне, но и от меня. Не бери в голову. Может, это и хорошо, что я не вижу эту бесовскую девичью красу.

- Не хорошо! - сердился Ючи. – Хозяину нужна жена. Скажи, кто твой маг.

- А ты не боишься, что моя жена тебя выгонит? – отшучивался Финн.

- Не выгонит. Я – твой доход, - важно заявлял он и снова пытал Финна о заклинателе.

- Лотта – мой маг, - признался однажды Финн. Ючи очень огорчился. Лотта была румяной пышнотелой соседкой Финна из крепкого каменного дома напротив. Её муж, могучий зверолов Маркус, частенько пропадал неделями, проверяя свои ловчие ямы в Драконьем лесу, откуда притаскивал на плечах по две лосиных туши, да на поясе связку тетеревов, да за пазухой чешуйчато-бронзовое драконье яйцо, а Лотта в его отсутствие, что ни день, забегала в лавку к Финну и потчевала Ючи пирогами. Судя по тому, как Финн избегал и пирогов, и Лотты, видно было, что случилась между ними нехорошая история.

- Лотта – не маг. Лотта – добрая женщина, - твердил Ючи, заливаясь краской.

- Добрые женщины, стоит им в чём-то отказать, становятся злыми ведьмами.

- Лотта могла бы тебя приворожить. Почему она сделала твоё сердце холодным?

- Несчастный, - вздыхал Финн, - ты ищешь логику в поступках женщины...

- Всё равно. Лотта не может сделать такое клеймо. Ты ошибаешься. Ты уверен, что мог любить женщин раньше? Тебя заговорил кто-то ещё, совсем давно. Если я изучу другие его жертвы – я найду ключ к тебе. Нужно больше людей, чтобы увидеть почерк заклинателя.

Теперь лавка Финна пользовалась даже большей популярностью, чем насквозь пропитанная элем таверна «Семь прачек» у Лысой развилки. Потому что стихийная магия, распространившаяся даже среди самых отсталых слоёв населения, вызвала волну мелкой междоусобной порчи: сосед мстил соседу за то, что соседская коза потоптала его грядки;

девицы, едва достигнув любовного возраста, рвались приворожить каждого мужчину в округе, невзирая на святость брачных уз. А иной раз поэтически настроенный отрок по юношескому недоумию превратит сердце возлюбленной в вольную птицу, и тогда родителям возлюбленной только и остаётся, что хватать бездыханное тело дочери и - прямиком в лавку Финна.

Отбоя от посетителей не было. Ожидая своей очереди к Ючи иногда даже покупали какую-нибудь безделушку в лавке. Финн процветал, хоть и тяготился нескончаемой толчеей. Незадачливые колдуны не сильно переживали из-за своих переколдованных заклятий. Но попадались Ючи и серьёзные заклятия – от серьёзных людей. И тогда дар Ючи стал пахнуть проклятием.

Профессиональные чародеи сразу почувствовали опасность, исходящую от чужестранца в причудливом халате. Особенно невзлюбили Ючи алхимики, потому что он без труда переманил всех их клиентов, а также свирепые шаманы из колониальных Пустошей – просто потому что не в их правилах спускать обиды, а снять шаманские чары, накладываемые в ходе изнурительного многочасового ритуала – это изрядное оскорбление. Ючи для их ворожбы был закрыт, и потому все шишки валялись на Финна. Ючи едва успевал чистить Финна от порчи, да и сам Финн от частых взломов стал измождённым и нервным.

Вот и накануне Дождя появился один подозрительный плосколицый тип в расшитой золотым усом кирзахской шапке. Кочевник, но вроде не с севера. Заклятие было плёвым – стёртая память, Ючи мигом справился, хотя Финн и просил его устраивать пусть не большое, но представление, иначе клиент будет думать, что десять монет за минуту – помилуйте, это ж грабёж! Тип, однако, уходить не спешил, бродил по лавке и перебирал товары, а сам поглядывал то на Ючи, то на Финна, и Финн решил, что ему опять попался «порчун» - так он стал называть всю ту колдовскую нечисть, которую засылали к нему конкуренты. Стараясь не прикасаться к кочевнику, Финн вежливо выпроводил его за дверь. До вечера ничего в нём не изменилось, и Финн забыл о кирзахской шапке, занимаясь с другими клиентами, как вдруг, к самому закрытию лавки, почти все давешние посетители вздумали разом вернуться и потребовать назад свои деньги. Мало того – Финн заметил, что и Ючи сидел на своей циновке мрачный и озабоченный. Клиенты жаловались, что заклятия остались в силе, Ючи угрюмо пожимал плечами, и Финну

пришлось раздать все собранные за день монетки. Не дождавшись объяснений, народ, недовольно ворча, разошёлся, Финн запер лавку и подошёл к Ючи.

- Когда это началось?

Ючи молчал. Он закрыл глаза и заметно напрягся.

- Это можно исправить? Или, может, у вас, взломщиков, есть какой-то предел работоспособности? Тысяча взломов – и всё, пора на покой?

Ючи продолжал молчать. Финн не стал упорствовать и отправился к себе наверх.

На следующий день начался Дождь. Ючи признался, что после кирзахского кочевника вся его система сбилась, и он несколько раз ошибся. Такое бывает - иногда слабый, но подлый маг для защиты добавляет в заклятие вирус или червя. Ючи уверял, что против вирусов у него припасены надёжные снадобья, и он справится. Впрочем, проверить результат лечения было не на ком – в Сезон Дождя мало кто отваживался выйти из дома, поэтому Финн скучал, а Ючи отсыпался.

Поначалу на странное дождливое межсезонье никто не обращал внимания. Ну, выпало осадков больше, чем обычно. Ну, были они то ли жирные, то ли склизкие. Да мало ли что нынче с неба падает? Когда же необычный дождь стал приходить со строгой регулярностью – четыре раза в год между сезонами, открывая от привычной осени или весны по две недели, поднимать в аккурат до самых окон уровень «воды», которая потом таинственным образом исчезала и оставляла после себя голубые полупрозрачные горошины, - тогда уж его называли важно – Сезон Дождя. Ходили слухи, что горошины – это то, во что превращаются тела утопших во время наводнений, потому что люди, случалось, пропадали, но ни живыми, ни мёртвыми их найти не удавалось. Другие говорили, что капли такого дождя высушивают плоть человека до самой кости, и иногда его называли - Сухой Дождь. Финн однажды собрал несколько горошин, чтобы на досуге исследовать их в лаборатории.

Курс академической магии Финн не закончил из-за юношеского идеализма. Глядя, как товарищи безжалостно и бесповоротно превращают несчастных кроликов в камни, пятнадцатилетний Финн заартачился и наотрез отказался издеваться над животными, за

что и был исключён из учебного заведения, с репутацией бунтаря и смутьяна. Чтобы не сидеть на шее у родителей, Финн подрабатывал помощником схоластов – так в стране Финна называли тех, кто волшебным чарам противопоставлял законы природы. Именно благодаря им дома становились прочнее, люди – здоровее, еда – вкуснее, а повозки – быстрее. Таким образом, профессиональный багаж Финна к двадцати пяти годам, когда он наконец смог открыть свою лавку артефактов, был смесью основ теоретической магии с обрывками знаний из различных прикладных наук. Эту смесь Финн и использовал по вечерам у себя на чердаке для создания артефактов.

То, что Дождь – пространственно-временная аномалия, Финн понял не сразу. Сначала было по горло дел в лавке, потом появился Ючи, и все Дожди напролёт Финн обучал нового партнёра языку и исследовал его возможности. Только когда Ючи, заглянув на чердак и увидев Дождевые горошины, вдруг задрожал и скатился кубарем вниз, а после долго не мог прийти в себя и всё твердил: «Икаи! Икаи!», тогда-то Финн, потратив пару часов наедине со своими самодельными приборами, обнаружил у голубоватых кругляшей несколько любопытных свойств. Во-первых, время вокруг них двигалось медленнее. Во-вторых, они как будто пожирали свет – сколько бы Финн не добавлял свечей, на чердаке становилось темнее – до тех пор, пока он не прикрыл горошины тряпкой. В-третьих, все объекты рядом с ними прибавляли в весе. Финн призадумался, но всё же на некоторое время о волшебных горошинах позабыл.

А в этот раз он решил взяться за них всерьёз. Конечно, он знал, что кроме его искусственных «артефактов» существуют и подлинные волшебные предметы, и эти горошины, видно, были из их числа. Более того, их свойства говорили о принадлежности к высшей ступени магии – созданию миров. Творить дополнительные миры в стране Финна не запрещалось. Ибо это было настолько технически сложно – не только для самоучек, но и для профессионалов, – что никто и не пытался. А главное – это причиняло массу неудобств. Говорили, что новые миры преследуют своих творцов до конца жизни. Уничтожить же их было ещё сложнее, чем создать, и уже не только технически, но и психологически. Создатели миров брались за это только по одной причине – в иных мирах они были неподвластны законам магии их родного мира, и могли делать там всё, что не получалось здесь.

Если бы Финн смог разобраться, как действует горошина... Он потёр её между пальцев - она не пружинила и не проминалась; сдул пыль и опустил в колбу своего кустарного хроматографа. Надежда была слабая, но, быть может, состав даст ему подсказку. Он закупорил колбу и повернул ручку на жестяном коробе, от которого к колбе тянулись скрученные тугие провода и полые трубки. Колба задрожала, горошина же оставалась безучастной. Финн сдвинул ручку ещё на одно деление. Колба запотела. Вещество не делилось на фракции, но начало испускать бирюзовое свечение. Финн повернул ещё, и колба треснула. Горошина, продолжая светиться, выкатилась на стол перед Финном. Он разочарованно вздохнул, взял горошину двумя пальцами, она слегка пощипывала кожу. Внизу звякнул дверной колокольчик. Финн бросил горошину на стол и спустился в лавку.

Ючи не было. Дождь прекратился. Солнце, прорываясь сквозь жалюзи, исполосовало неструганные доски пола. У прилавка стояла девушка и растерянно смотрела на Финна. Ему показалось, что из одежды на ней только нижнее бельё. Тонкая пёстрая материя точно повторяла все соблазнительные контуры её стройного тела, выставляя напоказ смуглые колени, икры и узкие ступни, перетянутые ремешками; лямки на плечах слегка сдвинулись и приоткрыли бледные полосы кожи. В руках незнакомка сжимала кожаную котомку с клапаном.

- Я могу чем-то помочь? – неуверенно спросил Финн, не сводя глаз с её смелого наряда.

- Я по объявлению. – Девушка порылась в котомке и достала листок. – «Требуется продавец-консультант.»

- «Консультант»? – Финн непонимающе дёрнул головой. Взгляд его соскользнул с загорелых плеч, и тут он заметил, что лавка неуловимо изменилась. Вроде всё оставалось на своих местах, но это всё стало другим – каким-то лощёным, замысловатым. Деревянные полки побелели и заблестели, на прилавке появилась рама на подставке и с тёмным стеклом, продавленные скрипучие стулья для клиентов, ожидающих очереди к Ючи, превратились в аккуратный ряд гладких вогнутых сидений. Финн подошёл к девушке и взял протянутый лист. На нём чётким типографским шрифтом было отпечатан текст с адресом его лавки и длинной вереницей цифр.

- Я звонила, но никто не отвечал, и я решила зайти сама. – Девушка смущенно теребила ремешок своей котомки.

- Финнеган Бартл, - Финн опомнился и протянул посетительнице руку.

- Ками, - её рука была мягкой и тёплой, как ванильные булочки мастера Тоба, которыми тот иногда расплачивался за услуги Ючи. – Камилла... Смит, - она запнулась, как будто подбирала фамилию. От неё пахло морем и земляникой. У Финна закружилась голова, он, как пёс, втягивал расширившимися ноздрями волны этих запахов. Так пахли женщины раньше, до того, как Лотта наотрез отворожила его от всех особ женского пола. Финн чувствовал, что краснеет, но забытые ощущения придали ему смелости, он не выпускал её ладонь из своей руки, а она не сопротивлялась, и он всё рассматривал её бледные веснушки, дрожащий рыжий завиток за ухом и расходящееся от тёмных зрачков золотистое кружево в зелёных глазах.

Финну не потребовалось много времени, чтобы понять, что горошина каким-то чудом сработала и вывернула его мир наизнанку. Загадкой пока оставался принцип устройства нового мира. Он знал, что в теории сначала проектируется карта мира, а на ней – только то необходимое, что требуется создателю. Этот же мир появился без проекта, и Финн не представлял, какой он, чей и как им управлять. И главное - как из него выбраться. Эта мысль напугала его до чёртиков. Он усадил Ками на стул и, шагая через ступеньку, взбежал по лестнице на чердак.

Лаборатория тоже преобразилась: яркие круглые фонари на синих скосах чердачного потолка, серый ворс на полу, на столах множество мерцающих коробов и таких же, как внизу в лавке, рам. Только здесь рамы светились белыми полотнами с цифрами, буквами и схемами. Он готов был поклясться, что ничего подобного ещё не было, когда зазвенел колокольчик и он кинулся вниз. Значит, смена миров произошла позже? Хуже всего, что горошин нигде не было видно. Он обшарил все столы, прощупал колючий пол – ничего. Как он вернётся назад? Тут он вспомнил про Камиллу. С мечтательной улыбкой на лице он сошёл вниз.

Камиллы не было. На полу лежала раскрытая котомка, а запах земляники таял с каждой секундой. Дверь не открывали – иначе он бы услышал колокольчик. Но есть ещё чёрный ход. Финн толком не успел разобраться, как устроен новый мир, а тот уже выкидывает такие фортели. Одно он понял – он снова мог влюбляться, если, конечно, он

не путает это чувство ни с каким другим. А это значит, что мир был его собственным творением. В момент манипуляций с горошиной его сознание спроецировало карту будущего мира на этот пространственно-временной массив, сформированный горошиной. Но тогда почему пропала Камилла?

Над головой у Финна загрохотало, и с лестницы скатился ошалелый Ючи.

- Ты как сюда попал?

- Ты меня послал, - Ючи протянул Финну несколько горошин.

- Я? – Финн сунул горошины в карман.

Не потрудившись объяснить, Ючи указал пальцем на лоб Финна, затем на грудь:

- Нет клейма - нет заклатья. Что-то случилось.

- Это я уже без тебя понял. Постой... А как же твой вирус?

Ючи пожал плечами.

- Здесь нет вируса.

Финн раздвинул жалюзи и выглянул за окно. Каменная мостовая, ещё недавно затопленная водой, превратилась в ровную тёмно-серую шероховатую полосу без единой лужи. Ничем не запряжённая блестящая повозка, тихо урча, пронеслась мимо. Финн приотворил дверь и осторожно ступил на крыльцо. Улица была пуста. Вместо вечно сохнувших кальсон зверолова Маркуса ветер трепал изящные кружевные занавески в распахнутом окне дома напротив.

Сзади послышался шорох – это Ючи вытряхнул на пол и перебирал содержимое котомки Камиллы. Множество странных предметов и миниатюрных механизмов, частью похожих на ассортимент товаров его лавки – округлые, из неведомых материалов, гладкие, мерцающие. Финн наклонился и взял один из них – плоскую прямоугольную пластину с тёмным стеклом, с едва заметными выступами на узких торцах и с незнакомым гербом – ровный огрызок яблока на обратной стороне испускал мягкое свечение. Вдруг пластина задрожала у него в руке, от неожиданности он чуть не выронил её на пол, из неё полилась музыка, стекло осветилось – под ним показался текст: ряд цифр, похожий на тот, что был в листке Камиллы, и два слова: «Ответить» и «Отклонить». Финн пробормотал:

- Ответить.

Ничего не произошло. Финн ткнул пальцем в слово «Ответить».

- Мастер Бартл? – зашептала пластина. Финн поднёс её ближе к уху.

- Мастер Бартл! – продолжала взволнованно говорить волшебная пластинка. Финн немало повидал артефактов на своём веку и ничего дикого не видел в том, чтобы поболтать с говорящим предметом, тем более что тот обращался к нему лично и даже, кажется, голосом Камиллы.

- Камилла?

- Слава Всесильному, это вы, мастер Бартл!

- Что случилось, Камилла? Вы так неожиданно...

- Мастер Бартл! – перебила его Камилла. – Мне не к кому больше обратиться, так как я никого здесь не знаю... Хотя, - тут она в сомнении запнулась, - это странно... Я даже не помню, чтобы у меня были родители...

«Это как раз не странно, - подумал Финн. – Наверное, я спроецировал только её одну, и даже арсенал памяти не наполнил... Н-да... оттого-то и на улице так безлюдно.»

- ... я думала, это вы, - нашёптывал тем временем плоский артефакт голосом Камиллы, - поэтому и пошла с вами, то есть, с ним, а сумочку забыла, но это и хорошо, потому что ваш номер я не помню, а мой номер есть у вас, то есть, у него, в телефоне...

- Погодите, - Финн попытался вклиниться в её историю, - давайте по порядку. Вас заточили в этот артефакт? Кто такой «я, то есть, он»? И что такое «телефон»?

Финн сильно жалел, что у него не было возможности тщательно продумать проекцию мира и его обитателей, в особенности, девушки, и она получилась немного непрорисованной. К тому же, он недоумевал, откуда в его мире могли взяться незнакомые предметы и нежелательные объекты.

Девушка, похоже, слегка озадачилась вопросами Финна, но продолжила:

- После того, как вы ушли по лестнице вверх, вы тут же выскочили из двери за прилавком, схватили меня и потащили за собой. Посадили в машину, везли примерно пять минут, высадили у какого-то коттеджа и провели в дом.

- Я? В «машину»?

- Ну, то есть, я думала, что это вы, потому что он очень похож на вас, но потом вы поговорили с кем-то по телефону, и я поняла, что это не вы, потому что он говорил ужасные вещи. Мне кажется, вы не такой. Потом вы ушли, то есть он ушёл.

До Финна дошло наконец, что Камилла не была заключена в этой пластинке, а передавала с её помощью свой голос.

- Где вы сейчас? Он вас отпустил?

- Я ещё у него. Он запер двери, но забыл телефон. Ой, кажется, он возвращается, - Камилла зашептала тихо и быстро. – Мастер Бартл, отследите этот звонок по Джи-Пи-Эс.

- А? – Финн ещё какое-то время вслушивался в короткие равномерные звуки, исходившие из пластинки, но голоса Камиллы там больше не было. Пластина смолкла и потемнела.

Финн повертел её в руках, нажал на боковой выступ, на блестящей поверхности зажглись четыре цифры с двумя точками посередине и переливающаяся плоская стрела с надписью «Разблокируйте». Финн ткнул пальцем в стрелу, но ничего не произошло, пластина снова померкла. Финн обернулся к Ючи, который и здесь пристроился на своей циновке, беспечно посапывая плоским смуглым носом.

- Значит, говоришь, я тебя сюда послал?

Ючи приоткрыл один глаз и кивнул.

- И «я» же похитил Камиллу?.. И «я» же стою здесь, во всей своей красе. Не слишком ли много меня на несколько квадратов площади? А ну-ка, посмотри на меня повнимательнее – нет ли на мне какого клейма? Заклятия раздвоения? Заговора копий? Или ещё чего?

Ючи нехотя приоткрыл второй глаз.

- Это твой мир.

- Хочешь сказать, что я настолько беден воображением, что ограничился созданием Камиллы и нескольких копий себя?

- Нет. Не ты создаёшь мир. Ты создаёшь проход в мир, и тогда мир создаёт в себе тебя и твои желания. Наверное, этот мир создал слишком много тебя. Так бывает, когда внутри одного человека живёт много разных людей. Но не бойся, это не ты.

- А? - Финн уже второй раз за пять минут чувствовал себя огородным овощем, которому рассказывают таблицу умножения.

- Тот, кто здесь стоит, это не Финн.

- А кто же я, по-твоему?

- Проекция.

- В проекции мира есть только проекции людей? Я, конечно, не доучился в Академии, но это, по-моему, бред. Да и откуда тебе-то знать такие вещи? У тебя же другая специализация.

- Я чувствую, что я – проекция. Я вижу, что ты – проекция. У тебя квадратный нимб.

- А?.. Тьфу! И что, пока никто не найдёт прохода в этот мир, он стоит пустым?

- Он никогда не бывает пустым. Он слоёный, как торты мастера Тоба, и каждый, кто сюда попадает, оказывается в своём слое.

- Ладно, а как быть с Камиллой? Её может полюбить только моя проекция? Я не могу её протащить туда – к настоящему Финну?

- Если победишь своего другого Финна, - и Ючи важно склонил голову.

Тут дверь лавки распахнулась, и в проёме появился... ещё один Финн, держащий за руку испуганную Камиллу.

Другой Финн был вроде и Финн, и не Финн. Заношенные камзол и панталоны были перешиты до неузнаваемости; вечно непокорные кудри послушно стояли строем от лба до макушки, словно смазанные топлёным салом, но отдельные завитки всё же вырывались из сального плена и скруглялись за ушами и на шее. И главное - в глазах Другого Финна

жёстко отливала синевой та завидная ледяная сталь, о которой добродушный Финн мог только мечтать – в иные тяжкие моменты.

- Где вакуум-нули?! – Без предисловий заорал другой Финн, несколько не удивившись своему незеркальному отражению.

Финн открыл было рот, чтобы в очередной раз выдать «а?», но удержался.

- Приветствую, сударь, - вместо этого сказал он. – Извольте выражаться яснее. И отпустите даму, вы причиняете ей боль.

- Ты, моя жалкая копия, которую я сам же и создал, умудрился пролезть в этот мир, а про вакуум-нули даже и не слышал? А девку свою забирай, я думал, она оттуда, - он вытолкнул Камиллу вперёд, та укрылась за спиной Финна, снова слегка вскружив ему голову пленительным ароматом. - От местных мне никакого проку... Как об стену горох... - В голосе его звучала усталость.

- К слову о горохе... - Финн вынул из кармана горсть горошин. – Это, что ли, вы изволите величать вакуум-нулями?

Другой Финн встрепнулся и едва не схватил руку своей копии, но Финн вовремя отпрянул, выставив пустую ладонь вперёд, а кулак с зажатыми горошинами отведя за спину. Камилла взвизгнула.

- Сначала поясните вашу мысль о копиях. Кто кого создал и почему?

- Стану я объясняться с собственными проекциями.

- От проекции слышу, сударь.

- Что-о-о? – вскинулся было Другой Финн, но тотчас же усмехнулся. – Какая наивность... Однако, любопытный эффект... - Другой Финн уселся на стул и с интересом принялся рассматривать своего двойника. – Значит, ты считаешь себя полноценной личностью? С какого возраста ты себя помнишь?

- Вы не поняли, сударь. Я-то прекрасно знаю, что и я, и вы, и все без исключения присутствующие в этом мире – проекции. Это вам следует порыться в памяти.

Другой Финн расхохотался.

- Да-да-да! Мы – проекции, а тот мир, откуда ты явился, и который я лично сотворил, включая и тебя, и аномальный дождь, генерирующий вакуум-нули для перехода оттуда сюда и наоборот, тот мир – реальный! Да! Но только для тебя, мой искусственный друг. – Другой Финн задумался и забормотал себе под нос. – Вот это сила!.. Теперь Премия Великого Антимага у меня в кармане... Подумаешь, женщины... Зато я создал мир с реальными людьми, и женщины, кстати, там ещё не проверены...

Он вскочил со стула, и решительно двинулся к Финну.

- Давай мне мои вакуум-нули. – Он требовательно протянул раскрытую ладонь.

- Пойдите, - Финн всё ещё сжимал горошины в кулаке за спиной. – Допустим, вы меня создали. А зачем вы наложили на меня заклятие каменного сердца и почему Ючи не мог его снять?

- Это, наверное, мои страхи так спроецировались - чтобы исключить конкуренцию. А динамическое заклятие – это тоже моё изобретение, - ухмыльнулся Другой Финн. - Но Ючи? Что за Ючи?...

- Должен сказать, сударь, вы неплохо потрудились, - продолжал Финн, – населив созданный мир таким большим количеством людей. Там ведь не меньше десятка тысяч человек. А как вы используете эти ваши нули?

- Не думай, что для меня твоя душа – тёмный лес. Я знаю, к чему ты ведёшь. Давай сюда нули.

- А не то – что?

- Да ничего. Я тебя породил, я тебя и... того.

- А если так? – Финн вывел руку из-за спины, разжал ладонь, пробормотал школьное заклинание чеснокодавки и снова крепко сжал кулак.

На первый взгляд, ничего особенного не произошло. Солнце не скрылось за тучами, а тишину на улице нарушал не привычный Дождь, а лишь перешёптыванье листвы на придорожном каштане. Да хлопанье сохнувших кальсон мастера Маркуса. Да скрип повозки пекаря Тоба, развозившего ванильные булочки.

Финн разжал ладонь – она была пуста. Ючи дремал на циновке. По лавке бродил вздорный покупатель с растрёпанными невымытыми волосами и вполголоса ворчал. Другой Финн исчез. Как и все следы того мира.

Финн, теперь уже единственный, застыл с вытянутой рукой. Он боялся обернуться назад. Даже если Камилла и поняла, что надо делать с горошиной, которую он тайком сунул ей в руку во время разговора с Другим Финном, - даже если так, то не факт, что это помогло ей проникнуть в его настоящий мир. Но даже если помогло, не факт, что, уничтожив горошины, Финн уничтожил и тот мир или хотя бы тот слой мира, и что заклятие перестало действовать.

Мебель незаметно обретала свой прежний вид. Наконец Финн обернулся. Камилла сидела на полу, прислонившись к прилавку, бледная и полупрозрачная.

- Ючи! – кликнул Финн взломщика и склонился над Камиллой.

Ючи приковылял на зов, бесцеремонно схватил девушку за плечи и впился в неё глазами. Не прошло и нескольких секунд, как он отпустил её со словами «Ничего страшного», цепко глянул на Финна, сузил и без того узкие глазки в невозможную улыбку и отправился на своё место. Камилла постепенно приходила в себя.

- А это почём, хозяин? – Немытый покупатель разглядывал гладкую пластину с гербом в виде огрызка яблока. Пластина мягко вибрировала в его руках.

Обивка на одном из продавленных стульев разгладилась и затвердела. Что-то с глухим рокотом и гудением промчалось мимо окон.